

Демократические преобразования, происходящие в обществе, рост национального самосознания, стремление народов к возрождению национальной идентичности определили необходимость более глубокого изучения национальной духовности, в том числе словесного искусства? в реальном этногенетическом и историко-культурном контексте. Понимание эстетически значимых единиц «герой» и «эпоха» невозможно без серьезного прорыва в решении проблемы контекста национальной литературы, т.е. «проблемы связи национального «текста» литературы во всем его содержательном и формальном объеме со своим контекстом - литературным (историко-культурным), историческим, общественным и философским» (Надъярных 1993). Расширение понятия текста в современном литературоведении до генотекста, то есть до контекста культуры стало объектом внимания таких ученых, как Р.Барт, Ю.Лотман и многих других (Барт 1994; Лотман 2000). Действительно, на сегодняшний день крайне важно выявление коренных культурных констант, типологических общностей, способствующих в числе других факторов пониманию специфики национальной культуры, особенностей «эпохи» и ее «героев». Все это предполагает познание исторически полного объема культурного процесса в движущемся временном контексте, включающее все этапы существования нации, начиная с самых ранних, архаических стадий, вплоть до предыстории формирования художественного сознания и истоков народной культуры, традиционного мировоззрения, как стержня духовной культуры этноса. Вопросы контекста культуры разрабатывались в трудах известных философов, историков, литературоведов. (Бахтин 1979; Бердяев 2002) Считая литературу «неотрывной частью культуры», М. М. Бахтин писал о необходимости установления более тесной связи между литературоведением и историей культуры, ибо «нельзя понять литературу вне целостного контекста всей культуры данной эпохи». (Бахтин 1979:330) О том, что современное гуманитарное познание стоит перед необходимостью «переориентации текстов в расширившемся контексте национальной культуры под знаком восстановления полноты и целостности ее исторического пути», пишет К.К.Султанов. «Восстанавливать культурный контекст, - считает он, - значит возвращаться к пониманию иерархии ценностей, изначальных истин, ненасильственно соотносимых с литературой, органически ей созвучных». (Султанов 2001: 43) Эти взгляды способствуют выработке новых методологических подходов к изучению литератур народов России, их системному герменевтическому исследованию. Изучение истории литературы, синтезирующей в своем содержании мировоззренческие, философские, этические и эстетические аспекты национального развития, может внести весомый вклад в решение этой задачи. Нам представляется интересным изучение эстетически значимых единиц «герой» и «эпоха» через качественное содержание художественной традиции, обусловленной перипетиями историко-

культурного развития общества, потому такой ракурс рассмотрения проблемы, как истоки, традиции и современное состояние - позволяет сосредоточиться на культурных, а не на хронологических этапах развития поэтического искусства народов. «Культурная традиция, - писал Лотман, выступает всегда как система текстов (в семиотическом смысле. - Н.С.), хранящихся в памяти данной культуры... При этом тексты, входящие в «традицию», не мертвы: попадая в контекст «современности», они оживают, раскрывая прежде скрытые смысловые потенции». (Лотман 2000:241) Говорить о степени ценности каких-либо эстетических явлений прошлого для последующих этапов развития культуры можно только тогда, когда достигнуто понимание закономерностей и условий, определяющих современное бытие этих старых явлений. Основу искусства слова составляют человек, его духовный мир, деяния, взаимоотношения с природой и обществом. Самые различные стороны действительности, всю их сложность, пути развития общества литература раскрывает через отношение к человеку. Через личностно-нравственную и классово-социальную судьбу литературного образа мы представляем историко-политические события прошлого, судьбу народа. Сердцевину литературы составляет человек, но это не только отдельная личность, а плод общества, в котором он живет, его движущая сила, механизм, обеспечивающий его развитие, это целое поколение. Ибо человек — не только физическая и биологическая особь, а неразрывная, активная, органическая часть общества. Его жизнь, деятельность, конкретные дела осуществляются по естественным, историческим законам. Человек формируется в обществе как личность. Но у человека нет возможности выбора общества, в котором ему предстоит жить. Он с момента рождения становится членом того или иного общества. В свое время это отметили К.Маркс и Ф.Энгельс: «Люди не свободны в выборе той или иной общественной формы, ибо, появляясь на свет, застают ее в готовом виде как результат деятельности прошлых поколений» (1, 402 б.) Общество, в которое попадает человек, играет важную роль в формировании его как личности, создании его духовного мира. Оно его развивает, изменяет, воспитывает. Играет большую роль в формировании его личностных, общественных, эстетических взглядов. Более того, определяет его образ жизни, участвует в судьбах последующих поколений. Из-за того, что общество и личность представляют собой такое неразрывное единство, писатель вынужден героев своих произведений рисовать как неразрывную часть действительности, даже если это он не ставит своей первоочередной задачей. Отношения их личностных и общественных желаний он раскрывает в свете исторических требований, старается показать биологические и социальные потребности человека. В результате, на примере судеб рожденных писателем героев, личностей воплощаются судьбы целого поколения бесконечного исторического процесса, судьбы стран и народов. Если, говоря об обществе, мы имеем в виду конкретную эпоху, а, говоря о личности - литературного героя, в литературных

произведениях мы видим, что эпоха и герой представляют собой взаимосвязанные части единой системы. Современное литературоведение, рассматривая литературное произведение как единую систему, оценивает его как художественное отражение действительности через человеческое сознание. Даже, предполагая, что в произведении нашло отражение реальная жизнь, мы понимаем, что это субъективные взгляды, пропущенные через сознание человека (автора). Но поскольку субъект, является представителем определенной эпохи, конкретного общества, нации, в его субъективности всегда присутствует и обобщение. В результате, литературное произведение рождается в тесном контакте с национальной культурой, общественной мыслью, эпохой и литературным процессом. «Мысль о том, что в произведении находят отражение взгляд на мир, философия, менталитет автора-творца, его современников, соплеменников, сегодня звучит как аксиома» [4]. Перемены, происходящие в жизни, рождает перемены в сознании человека, в его мировосприятии и оценке нравственных ценностей. Поэтому каждая историческая эпоха имеет свои определенные ценности и законы. В научной литературе термин «эпоха» определяется как «природа, общество, наука [1]. Разумеется, ступени их развития разные, и могут быть растянуты на века, десятилетия и др. временные единицы. Эта разница объясняется скоростью происходящих перемен в различных аспектах (областях?). Татарская литература как и многие другие литературы состоит из отдельных литературных эпох и этапов развития. Но литературные эпохи, истекая у различных народов с различной скоростью в течение исторического времени, не могут происходить в одной плоскости. Поэтому в разных литературах в один и тот же исторический период в плане отражения действительности, выбора средств художественной изобразительности, создания нового героя рождаются самые различные произведения. Литературное возрождение (обновление, прогресс?) или, наоборот, период стагнации (застоя?) для различных наций происходят в разные времена. Признавая национальную самобытность литературы, мы понимаем, что это связано с условиями национальной жизни, отдельными историческими событиями. К примеру, в татарской литературе отражение эпохи, неразрывной частью которой была восточная культура, сильно отличается от отражения эпохи в европейской литературе. На татарскую литературу оказывала сильное влияние религия ислам, ее суфийское направление, к этому следует добавить национальные традиции, рождаемые и хранимые народом на протяжении веков нравственные законы, существующую закономерность в определении и оценке прекрасного — все это отличает ее от других литератур. В целом, эпоху, воплощенную в литературном произведении можно рассматривать как один из срезов картины мира, воспроизведенной в этом литературном произведении. В этом случае, если брать во внимание слова литературоведа Д.Ф.Загидуллиной: «Воспроизведение картины мира зиждется на бинарных оппозициях, которые

носят универсальный характер: жизнь/смерть, счастье/несчастье, правое/левое, хорошо/плохо, далеко/близко, прошлое/будущее» [4], то картина эпохи в литературном произведении имеет две основы. Первая — уходящие в глубь веков традиционные законы признания и оценки представления о мире в татарской литературе, вторая — признание и оценка писателем эпохи, в которой он живет, на основании этих традиций. Первая основа всегда неизменна, вторая связана с мировоззрением писателя-творца, степени его нравственности, глубины философских взглядов и связана с идеологией эпохи, в которую живет писатель. Следовательно, воплощенная в литературном произведении эпоха рождается в зависимости от традиционных средств создания картины мира и требований эпохи, в которую создавалось произведение. Описание эпохи непосредственно связано с видом и жанром литературного произведения и раскрывается в связи с отношением к герою произведения, непосредственно через него. Литературный герой — это один из представителей эпохи, в которую он живет. Но это и не автор, и не отдельная личность. Это типичный, т.е. созданный посредством обобщений, подчиненный авторской воле, но все же сохранивший особенности, характерные для его эпохи, персонаж. Эту двустороннюю связь в литературе между автором и рожденным им героем наглядно описывает В.Е.Хализев: «Автор неизменно выражает (конечно же, языком художественных образов, а не прямыми умозаключениями) свое отношение к позиции, установкам, ценностной ориентации своего персонажа (героя — в терминологии М. М. Бахтина). При этом образ персонажа (подобно всем иным звеньям словесно-художественной формы) предстает как воплощение писательской концепции, идеи», и далее он пишет: «В литературных произведениях так или иначе наличествует дистанция между персонажем и автором. Она имеет место даже в автобиографическом жанре, где писатель с некоторого временного расстояния осмысливает собственно жизненный опыт» тем самым утверждает, что между автором и героем никогда нельзя ставить знак равенства (тождества?) [6]. Здесь же он приводит два основных сверхтипа литературного героя: авантюрно-героический и житийно-идиллический. «Персонажи, принадлежащие к авантюрно-героическому сверхтипу стремятся к славе, жаждут быть любимыми..., т.е. склонны активно участвовать в смене жизненных положений, бороться, достигать, побеждать. Сфера этих целей весьма широка: от служения народу, обществу, человечеству до эгоистически своевольного и не знающего границ самоутверждения ... Совсем иной, можно сказать, полярный авантюрно-героическому «сверхтип», явлен в средневековых житиях и тех произведениях (в том числе близких нам эпох), которые в большей или меньшей степени, прямо или косвенно наследуют житийную традицию или ей сродни. Этот сверхтип правомерно назвать житийно-идиллическим. В поэзии литературные герои своеобразны, в ней главное внимание направлено на более полное раскрытие героя как личности,

создание характеров. Лирические произведения через чувства и переживания дают оценку отдельным событиям, отношениям между людьми, общественным законам в целом, различным сторонам жизни, нежели простым описаниям событий (обытийности). Поэзия отражает духовный мир человека. Переживания, как правило, передаются от имени «я», т.е. передают то, что на душе автора. Поэтому «описываемый объект (чувство) и его описывающий субъект (поэт) неразрывно связаны» [5]. Личные взгляды, внутренний мир, и даже биография автора находят отражение в произведении творца. Н.К.Михайловский считает, что изучение литературного произведения в отрыве от личности, его создавшей, невозможно [3]. После ознакомления с этими соображениями, касающимися вопросов изучения произведения, мы приходим к выводу, что исследование концепции героя в произведении должно идти параллельно с проблемой образа автора. Оценивая лирического героя поэзии, Б.О.Корман пишет: «Лирический герой — это и носитель сознания, и предмет изображения: он открыто стоит между читателем и изображаемым миром» [2]. Отношения лирического героя и эпохи в произведении отражаются по-разному. Иногда они замысливаются на уровне эмоций, отражая события, происходящие в данной эпохе, в данном мире и стране. Тогда перед глазами читателя через созданные посредством отдельных деталей или обозначенные общими очертаниями друг за другом проходят картины жизни, при том все они подчинены логике мышления. На некоторых картинах поэт может остановиться сравнительно подробнее, но все равно он не может воспроизвести полнокровную картину мира со всеми тонкостями. «Содержанием лирического произведения является не только объективный переворот событий, а может и субъект и происходящее в его душе» [4]. Когда лирический герой особенно близок к автору по своему духу, представлениям, или же он абсолютно тождественен образу автора, тогда нравственный облик современников, соплеменников, соотечественников автора и в целом облик всей эпохи, ее проблемы проявляются наиболее отчетливо. В особенности это таково в стихотворениях философского плана, обладающих социальным содержанием, но и в любых лирических формах поэт создает образ героя в тесной связи с эпохой. Даже тогда, когда эта связь не обозначается, непосредственно не отражается, герой, рожденный поэтом, сохраняет тесную связь с эпохой, в которой он родился. Сохранение и актуализация общетюркских и национальных духовных констант в их творческой деятельности являются основными параметрами определения закономерных изменений в составе татарской литературы. В большинстве научных изысканий литературная деятельность писателей рассматривается с процессуальной стороны, как любое практическое действие, протекающее в течение определенного времени и состоящее из ряда действий. Творческий процесс, изучаемый в рамках такого направления, как психология творчества, складывается из ряда этапов (созерцание, анализ, проектирование, собственно написание). Как правило, у

литературоведов большой интерес вызывает фаза созерцания, а именно, мирозозерцание, как непосредственно-оценочное отношение художника к жизни. Семантика этого понятия уточнялась в работах Г.Н. Пospelова, Л.И. Тимофеева, М.Б. Храпченко, определяясь как «всегда общественно направленное» и как «основа творчества». (Пospelов 1978; Тимофеев 1976; Храпченко 1987). Таким образом, писатель в своем произведении рождает модель эпохи, связанную с его субъективными взглядами, пропуская его через свое сознание. Созданная писателем картина эпохи — это не копия реальной жизни. Эпоха, разумеется, отражается через своих героев, живет с ними. Герой, рожденный автором, это не авторское «я», это представитель определенной эпохи, обладающий индивидуальным характером, переживаниями, собственным взглядом на мир и его оценкой, живущий своими ценностями. В то же время он не совсем свободен и от субъективных взглядов автора. Автор постоянно выражает ему свое отношение. Он вырастает на национальной, литературной основе отдельного народа, исходя из требований своей эпохи. К сегодняшнему дню очерчены лишь общие контуры татарской духовной культуры и ее этапы. Вопрос о ее изученности является частью общей проблемы изученности всего тюркоязычного духовного наследия, «внеисторического, варварского фольклора». В своей книге «Метафизика колеса: вопросы тюркского культурогенеза» Ф. Урусбиева пишет, что «в европейской традиции со времен Аристотеля тюркская культура интерпретировалась как варварская в противоположность эллинской и базировался такой подход в основном на европейском материале». (Урусбиева 2004) Ученый пытается проследить тюркскую культуру как самостоятельную данность, черпая факты из нее самой. В связи с этим уместно вспомнить также слова Н.И. Конрада, объясняющего такое положение вещей. Он считал несправедливым то обстоятельство, что в «Истории средних веков» всегда изучалась история Европы, но не Востока. Между тем, «Средняя Азия еще в древнейшие времена была местом скрещения путей к важнейшим источникам человеческой цивилизации и сама представляла один из центров этой цивилизации. Величайший расцвет науки, философии, просвещения, имевший место в 9 - 11 веках в мусульманской Средней Азии, дал миру имена Аль-Фараби, Ибн Сины, Хорезми, Бируни. Ими создавались направления тогдашней научной и философской мысли, основанные на научном наследии древнего мира». (Конрад 1966) К счастью, не во всем мире игнорировалась эта культура. К этическому опыту Востока, как к ценнейшему источнику, обращались Г.Гегель, Ф.Ницше, И.Гете, И.Гердер, Г. Лейбниц и др. Следовательно, изучение в поэзии концепции эпоха и герой может вестись только через глубокое понимание национальных традиций и личности автора в этой области. Использование богатого внутреннего ресурса национальной и многовековой общетюркской культуры (фольклорно-эпической и литературной традиции) средоточия ценностных опор - направлено в нем на реализацию

главной установки - обеспечение исторического и духовного долголетия народа